

Особенности фольклора городских фульбе Гвинеи

Фольклор народа фульбе представляет собой единый комплекс, уникальный с типологической точки зрения. Дело в том, что дисперсно расположенные ареалы обитания фульбе охватывают весьма значительную территорию саванного пояса Африки южнее Сахары, от Сенегала до Судана. Такое расположение могло бы стать залогом разобщённости как в языке, так и в фольклорной традиции, однако на протяжении многих столетий различные диалекты языка фула считаются взаимопонимаемыми с точки зрения носителей, а фольклорная традиция обладает единым костяком.

Тем не менее, столь обширный ареал, а также некоторые исторические особенности не могли не внести свои коррективы в диалектное единство народа фульбе. Изначально кочевой народ, занимающийся отгонным скотоводством, фульбе издавна считались проводниками ислама в Западной Африке, и это наложило отпечаток на их устную традицию. С течением времени этническое единообразие народа размывалось, не в последнюю очередь по причине процветания сервильного рабовладения и сопутствующего смешивания фульбе и рабских народов (различающихся в зависимости от ареала). В XVIII веке, в результате успешно проведённого джихада и последовавшего за ним создания империй фульбе, этот процесс усилился.

Параллельно с этим шёл процесс оседания номадных фульбе и адаптации их образа жизни к земледелию. Это повлекло за собой расширение областей контакта с оседлыми соседями, отразившееся на устной традиции, хотя и в меньшей степени, чем на языке. В настоящее время, в результате изменения политических и климатических условий, более половины фульбе являются оседлыми и занимаются такими нетрадиционными для себя вещами, как земледелие или торговля. Городские фульбе, наряду с этими, занимают также и другие ниши, и этот процесс космополитизации, естественно, также затронул область фольклора.

Таким образом, несмотря на общие базовые принципы и ценности, фольклорная традиция фульбе различается не только по регионам, но и по социальному положению и образу жизни отдельных семей. Ниже, на примере фольклорных текстов, полученных от городского носителя гвинейского диалекта пулар фута-джаллон, будет предпринята попытка описать особенности фольклорных текстов городских фульбе Гвинеи.

Как отмечает А.И. Коваль, «прочная традиция устной словесности характерна для большинства этнических обществ западноафриканского хинтерланда, где школьное обучение только начинает приобретать массовый характер, [...] но практически любой молодой мужчина-африканец (хотя бы даже и прошедший через школу) способен породить значительное число развернутых сказочных текстов, при этом не изменяя традиционным канонам сказительства. Подчеркнем, что речь идет не о каких-то исключительных, особых случаях (как это было бы, если бы речь шла о мужчине европейски образованной среды), но о среднем уровне компетенции, — при том, что сказывание сказок в африканских обществах скорее является занятием женщин или старых людей» [Коваль 1999: 220]. Это утверждение в равной степени верно и для городских фульбе, которые, несмотря на уровень образования и отдалённость от традиционного ремесла, способны породить значительное количество фольклорных текстов, имеющих традиционные сюжеты. Это объясняется тем, что фольклор в Западной Африке пока не потеснён литературой: приобретение фульбе письменной традиции

практически не отразилось на документировании сказок, мифов и эпоса, которые по-прежнему передаются из уст в уста от старших к младшим.

Е.С. Котляр в монографии «Миф и сказка Африки» [Котляр 1975] условно выделяет четыре крупных стадии развития африканского фольклора. Первая стадия – это стадия мифа, описывающего тотемические представления, демиургов и прародителей. В фольклоре фульбе этот этап практически отсутствует. Наиболее очевидной причиной этого можно назвать глубокую исламизацию общества фульбе, результатом которой стало замещение древних верований кораническими догмами. Однако в традиционных текстах кочевых фульбе сохранился один сюжет о мальчике и девочке, говоривших на неизвестном языке, изгнанных за это из общины. Когда дети устали и проголодались, из воды вышли коровы и пошли за ними, и так появился народ фульбе и их коровы. Это единственный сюжет, который освещает традиционную мифологию фульбе. Кроме него, исследователи усматривают отголоски тотемических представлений в системе именных классов языка: класс NGE, полноценно функционирующий на всём ареале распространения фульбе, включает в себя ограниченное количество на первый взгляд не связанных лексем, а именно *nagge* ‘корова’, *naange* ‘солнце’ и *yiite* ‘огонь’. С учётом того, что остальные популярные общефульбские именные классы имеют некоторые общие принципы для всей своей лексики (см. об этом подробнее в [Коваль 1979]), отсутствие такого принципа для класса NGE позволяет предположить его историческую принадлежность к области мифологической семантики. Тем не менее, при опросе носителей о мифологии и происхождении фульбе, жители города не смогли вспомнить такого сюжета, что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии в сознании современных городских фульбе отдельных мифологических фольклорных сюжетов.

Второй стадией развития фольклора Котляр называет трикстерную животную сказку. Характерной особенностью этой сказки является отсутствие какой-либо моральной установки в традиционном понимании. Герой-трикстер выполняет задания для своей выгоды или развлечения, при этом он не гнушается никакими средствами, в результате могут пострадать другие существа. Традиционным трикстером для фульбе является Заяц, однако в некоторых изолированных сюжетах его место занимает куропатка или другая птица. В среде гвинейских городских фульбе такие сюжеты не очень популярны ввиду, по выражению носителя, их «бесполезности». Впрочем, они не совсем забыты: если обратиться с конкретной просьбой, то можно услышать сказку про Зайца и Куропатку (соревнование по игре в прятки, где оба оказываются выигравшими, благодаря хитрости) или про Зайца и Гиену (Заяц обманывает зверей, попутно обходя в этом задании Гиену, чтобы получить три предмета, которые затем пригодятся ему для увеличения хитрости). Также, среди прочих, существует сюжет, где воришка-Заяц попадает в ожидании расправы, обманывает Гиену, чтобы та заняла его место. Обязательным комментарием к такой сказке, целью которого, по-видимому, является сохранение репутации взрослого рассказчика, будет указание, что эта сказка «совсем детская» или «мне это рассказала дочь».

В качестве следующей стадии развития фольклора называется волшебная сказка. Её характерной особенностью является наличие у главного героя какой-то волшебной силы, которая позволяет ему достичь поставленной цели. Второй же особенностью является наличие морализаторской концовки, которая придаёт сказке оттенок басни и

предполагает, что волшебная сила даётся только положительным персонажам. Такие сказки весьма популярны в городской среде гвинейских фульбе, не в последнюю очередь из-за своей воспитательной функции. Ярким примером такого жанра является сказка о мальчике и его собачке. Мачеха хотела изжить мальчика, чтобы получить его стадо, доставшееся ему от матери, но собачка мальчика заранее узнавала планы мачехи и помогала мальчику их расстроить, и в результате мачеха изжила собственного сына вместо пасынка. Другим примером является сказка, аналогичная по сюжету русской сказке «Морозко», в которой падчерица отправляется к водоёму набрать воды, проявляет воспитание и прилежание при общении с духами воды и при выполнении их заданий, и в результате возвращается домой не с пустыми руками. Затем родная дочь, желая повторить судьбу сестры, отправляется по тому же маршруту, но, в результате своей лени и грубости, оказывается съеденной. В данном случае «волшебная сила», данная падчерице, заключается лишь в её терпении и выносливости, что делает сказку ещё более дидактически привлекательной.

Наконец, последней стадией развития фольклора, упомянутой Е.С. Котляр, является эпос. Однако в Гвинее в городской среде, эпос практически утратил свои фольклорные характеристики, уступив их литературе. Так, рассказывая о великих героях фульбе, носители замечают, что это, вообще-то, написано в книгах. Сравнивая эти записи с другими записями от тех же носителей, можно обратить внимание на существенные различия в жанрах повествования, такие, как отсутствие зачина, концовки и использование более современной лексики.

Однако, кроме вышеперечисленных традиционных жанров фольклора, сбор устных текстов у гвинейских фульбе выявил также несколько смешанных фольклорных жанров, а также жанров, не поддающихся классификации.

Одним из таких смешанных жанров является волшебная животная сказка. В ней герои-животные обладают человеческими характеристиками и вполне человеческой моралью. Животный облик героев, видимо, нужен для отдаления ситуации от реальности и усиления «сказочности» ситуации. Характерным примером такой сказки является сюжет о Зайце и его жене, которая приглашала домой друга в то время, что Заяц был в поле. Благодаря хитрости, ловкости, помощи других зверей и удаче, Зайцу удалось уличить жену и заставить её поменять свои привычки. Такой гибридный жанр позволяет комбинировать реальные ситуации из жизни, подставлять в них персонажей-животных и предоставляет тем самым практически неограниченный ассортимент сюжетов, что считается довольно удобным. Этим, в том числе, обусловлена широкая популярность таких сказок: более трети рассказанных сюжетов принадлежит именно к этому жанру.

Отдельным подвидом волшебной сказки, имеющим связь с мифологическими сюжетами, являются также так называемые былички – истории о встрече с нечистой силой. Несмотря на глубокую, как уже было сказано, исламизацию общества, фульбе до сих пор сохраняют в фольклоре некоторых традиционных персонажей, хоть и с мусульманским колоритом. Таким персонажем чаще всего является джинн, то есть, дух воды, который позволяет или не позволяет человеку набрать воды в его водоёме, при этом требует чего-то взамен. В одном из популярных сюжетов джинн просит у женщины «то, что у тебя потом будет», и женщина соглашается, по незнанию, отдать ему своего нерождённого ребёнка, когда тот родится. Затем ей приходится прибегать к хитрости,

чтобы оставить младенца себе, когда джинн приходит требовать свою добычу. В итоге, по сведениям носителя, джинн был застрелен из двустволки.

Здесь необходимо отметить одно характерное отличие городского фольклора от традиционного. В традиционном фольклоре используются, зачастую подчёркнуто, традиционные реалии: герои хранят воду в бурдюках, молоко – в калебасах, связывают жертву банановой верёвкой, ходят мыть лопаточки для поскрёбков и в качестве награды получают стадо коров. В городских же условиях многие традиционные детали отбрасываются за непрактичность, а там, где деталь нужно оставить, пращу чаще всего заменит двустволка, калебасу – таз, а стадо – более современное выражение благополучия: сигареты, деньги и одежда. Таким образом, к сожалению, сказки городских фульбе теряют самые яркие элементы своего этнического своеобразия, превращаясь в стандартные сюжеты, которые могли бы рассказывать своим детям родители-бамана или родители-сусу.

В качестве последнего элемента фольклора городских фульбе, стоящего вне жанровой классификации, отметим так называемые «сказочные сплетни» – истории, якобы произошедшие с людьми, имеющие морализаторскую концовку, но отличающиеся от простых городских сплетен использованием сказочных канонов: зачинов, выбора лексики и методов, невероятной удачи, присущей главному герою, и традиционной концовки. К таким принадлежит история о муже-водителе и жене, изменившей ему с его диспетчером-начальником. Муж, проявляя хитрость и присущую ему как протагонисту удачу, добивается того, чтобы диспетчер и его (диспетчера) жена оказались вместе под кроватью в его доме, и приглашает свою жену на чашку кофе, но чашек ставит четыре и приглашает всех, кто в доме, к ним присоединиться. Так прелюбодеи оказываются посрамлены.

В заключение необходимо отметить, что фольклор фульбе, разумеется, представляет собой ценность с традиционной точки зрения. Многие исследователи занимаются сбором и анализом фольклорных текстов, собранных в ареалах, где в наибольшей степени сохранилась традиционная культура кочевых фульбе, их уклад жизни и фольклор (петля Нигера, Адамауа, верхняя Вольта). Однако та неизбежная трансформация, которая происходит с фольклорными текстами в результате утраты их носителями традиционного образа жизни и по мере их адаптации к современному городскому обществу, также заслуживает внимания как культурный и фольклорный феномен в части утерянного и в части того, что удалось сохранить.

Литература

- Коваль А.И. О значении морфологического показателя класса в фула // Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. Имя, местоимение. М: Наука, 1979. С.5-100.
- Коваль А.И. Язык устного эпоса фульбе и затекстовая культурная информация // Устные формы литературного языка: История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Сс. 219-237.
- Котляр Е.С. Миф и сказка Африки. М.: Наука, 1975.